

к Советскому Союзу и проводимой им политике, начали происходить в сентябре, после вступления советских войск в восточную Польшу.

¹ См.: *Public Opinion Quarterly*, 1940. March. P. 82.

² См.: *Public Opinion*, 1935–1946. Washington, 1951. P. 275.

³ См.: АВП РФ (Архив внешней политики Российской Федерации), ф. 162, оп. 146, д. 5, п. 73а, л. 42–43.

⁴ См.: *Windrich E. British Labour's Foreign Policy*. Stanford, 1952. P. 158.

⁵ См.: *Public Opinion*, 1935–1946... P. 276.

⁶ *McDonald I. A Man of the Times*. L., 1976. P. 65.

⁷ *The New Statesman and Nation*. 1939. August, 26. P. 297.

⁸ См.: *Ibid.* September, 2. P. 343

⁹ См.: АВП РФ, ф. 162, оп. 146, д. 5, п. 73а, л. 81, 82–83, 84–86, 89.

¹⁰ См.: Там же. Л. 87.

¹¹ *Tomlinson H. The Wind Is Rising*. Boston, 1942. P. 9.

С. А. Потапов

Уинстон Черчилль и военная элита Великобритании во Второй мировой войне

Уинстон Черчилль, человек, обладающий широким взглядом на военные проблемы и собственными оценками целей Великобритании в ходе начинавшейся Второй мировой войны, незаурядная личность и яркий политик, интересующийся военными вопросами, нередко имел нестандартное мнение о различных аспектах военного дела.

Спустя десятилетия мышление «кавалериста Викторианской эпохи» продолжало сказываться на деятельности У. Черчилля: любовь к различным спецоперациям, оригинальным техническим разработкам, эффективным действиям. И весьма сомнительные черты британской военной элиты – догматичность и расчетливость действий – противоречили его отношению к войне как к «благородной мужской игре», которая требует «гения, импровизации и силы разума»¹.

Первая мировая война давала У. Черчиллю шанс в полной мере проявить свои способности в качестве военного лидера, но в конечном счете именно в эти годы возникают весьма сложные взаимоотношения

между ним и военными: его импульсивность, неумение согласовывать собственные идеи с реальностью говорили не в его пользу еще долгие годы. Главные инициативы У. Черчилля тех лет (Дарданелльская операция, развитие авиации и танков) достаточно ясно говорят о неприятии им тогдашней «стратегии истощения»². Победа в войне, по его мнению, «была куплена столь дорогой ценой, что неотличима от поражения»³.

В межвоенный период, когда в Великобритании происходит процесс критического переосмысления военного опыта, начинается постепенное преодоление разрыва между взглядами У. Черчилля и британской военной элиты. Он поддерживает идеи видных военных теоретиков – Б. Лиддел Гарта, Х. Тренчарда, Д. Фуллера и др., стремившихся обосновать необходимость возврата к основам традиционной для Британии «морской стратегии» и концепцию «малой профессиональной армии» за счет использования технических инноваций (теория «механизированной войны», доктрина «воздушного устрашения»)⁴. Призывы У. Черчилля с середины 30-х гг. обратить внимание на проблемы повышения обороноспособности, особенно на развитие авиации и флота, не могли не встречать положительного отклика у военного руководства Великобритании⁵.

К осени 1939 г. взгляды У. Черчилля относительно характера будущего вооруженного конфликта мало чем отличались от позиции британской военной элиты. Его стратегическое мышление развивалось в русле господствовавших в британской военной науке тенденций. Но отношения У. Черчилля с британским генералитетом были далеко не безоблачными на протяжении всей его предвоенной политической карьеры, что порождалось не только традиционным недоверием и непониманием между «военными-дилетантами» и «военными-профессионалами», но и личными качествами будущего премьер-министра⁶.

Организация совместной работы У. Черчилля, ставшего главой правительства в весьма критический момент войны, и военного руководства стала одной из ключевых задач создания эффективного механизма управления военными усилиями Великобритании.

За достаточно небольшой промежуток времени новому премьер-министру удалось стать подлинным военным лидером Великобритании, имевшим полномочия, возможности и умение концентрировать ресурсы своей страны для успешного ведения боевых действий и достижения целей войны, определяемых исходя из его понимания нацио-

нальных интересов и с учетом общественных настроений, что во многом определяло отношения У. Черчилля с генералитетом и позволяло главе правительства занять особое положение в системе военного руководства. Когда дела шли плохо, он мог соблюдать дистанцию по отношению к возникшим проблемам и перетасовывать кадры; когда хорошо – У. Черчилль получал право греться в лучах славы.

Вся система командования была построена исходя из его стремления оказывать непосредственное воздействие на все вопросы, связанные с ведением войны⁷. Условия военного времени сделали неизбежным этот процесс концентрации власти.

Но если бы У. Черчилль всегда и во всем исходил при принятии решений только из собственных побуждений, это было бы часто катастрофой для Британии (подобный вывод справедлив по отношению ко всем, пусть даже самым великим, политикам). И одной из главнейших его заслуг стало понимание необходимости тесного сотрудничества со своими военными советниками. Наиболее влиятельными из них были члены Комитета начальников штабов (КНШ), главного руководящего органа вооруженных сил Великобритании.

С мая 1940 г. по декабрь 1941 г. должность начальника Имперского генерального штаба, высший пост армейской иерархии, занимал Джон Дилл. Будучи опытным и умелым профессионалом, он нередко не мог противостоять нажиму премьер-министра, хотя имел другую точку зрения (например, при определении приоритетности театров военных действий, при обсуждении греческой экспедиции весной 1941 г.). Хотя Д. Дилл решался на споры с У. Черчиллем и прямо говорил о рискованности некоторых предложений премьер-министра (что в 1940–1941 гг. часто случалось), он признавал право главы правительства принимать окончательные решения. К этому добавлялись мягкость характера и нелюбовь к спорам со стороны Д. Дилла и не всегда проявлявшееся желание выслушать противоположные его мнению аргументы со стороны У. Черчилля⁸.

Сменивший Д. Дилла в декабре 1941 г. генерал Алан Брук был человеком несколько иного характера. Именно отношения У. Черчилля и нового начальника Имперского генерального штаба, по мнению многих исследователей, играли стержневую роль при выработке британской стратегии с 1942 г. до конца войны⁹. Когда Комитету начальников штабов приходилось вносить коррективы в проект У. Черчилля, то не кто иной, как А. Брук с полной решимостью принимал на

себя все последствия такого рода полемики. И хотя трудно было вообразить два более разных характера, с 1942 г. они редко не виделись более чем шесть часов подряд¹⁰. И то, что А. Брук сохранил свое положение до самого конца войны, говорит о понимании премьер-министром необходимости иметь такого главного военного советника, который смог бы сдерживать его эмоции и переносить его идеи в практическую плоскость, который всегда был готов прямо говорить о том, когда он был не прав. Но все же стремление некоторых историков представить британскую стратегию творением А. Брука неверно: «генератором идей» был все-таки премьер-министр. Генерал, при всех его талантах, был слишком консервативен по отношению к людям и событиям, нередко проявляя слишком большую осторожность и склонность к сомнениям¹¹. Таким образом, А. Бруку недоставало именно тех качеств, которыми в избытке обладал У. Черчилль, поэтому они хорошо дополняли друг друга и, очевидно, понимали это.

Начальники штабов ВВС (с октября 1940 г. – Ч. Портал) и ВМС (до октября 1943 г. – Д. Паунд, затем – Э. Каннингхэм) все в большей степени были ограничены в своем влиянии на решение проблем «большой стратегии», заботились прежде всего об отстаивании нужд своих родов вооруженных сил и с этой точки зрения также оказывали воздействие на решения премьер-министра.

Анализируя взаимоотношения У. Черчилля и британского высшего военного руководства в лице КНШ, можно сделать следующие выводы. Между ними достаточно часто возникали споры по различным вопросам, но они ни разу не переросли в серьезные конфликты по принципиальным проблемам. Известный нам стиль руководства У. Черчилля не мог не вызывать большие сложности для его военных советников. Но уже с 1940–1941 гг. премьер-министр строго придерживался правила не принимать решений по чисто военным вопросам вопреки твердому мнению своего КНШ. Конечно, даже по специальным проблемам У. Черчилль не мог не оказывать на своих военных советников очень серьезное давление, которое нелегко было преодолеть, поэтому важно было, чтобы они решительно отстаивали свое мнение (правда, это удавалось далеко не всем). Другое дело – проблемы военно-политические, выработка «большой стратегии» ведения войны: здесь, хотя высшие военные руководители (в отличие от многих министров) всегда были в курсе обсуждаемых вопросов и обычно имели свое мнение, все же главное слово принадлежало У.

Черчиллю.

Премьер-министр практиковал поддержание тесной, в том числе и личной связи с командующими театров военных действий: во-первых, он давно уже привык вникать во все детали руководства; во-вторых, британская система военного командования всегда базировалась на признании необходимости осуществлять контроль сверху донизу. Таким образом, он имел право и часто пользовался возможностью вмешиваться в оперативно-стратегическое управление боевыми действиями, считая, что глава военного кабинета не может удовлетвориться директивами и пассивным наблюдением, а должен принимать определенные меры по руководству и контролю за их исполнением.

Те из командующих, кто не проявлял должного внимания к советам и тем более приказам У. Черчилля, через какое-то время теряли свои посты и влияние. Примеры таких решений Лондона известны. В июле 1941 г. генерал А. Уэйвелл был снят с должности командующего сухопутными силами на Ближнем Востоке и переведен в Индию. Несомненно, присущая ему осторожность в оценках возможного развития обстановки, сдержанность и стремление защищать своих подчиненных уже длительное время раздражали нетерпеливого премьер-министра; кроме того, нужно было возложить на кого-то ответственность за поражения весны – лета 1941 г.¹² Его преемник, К. Окينлек, был переведен опять же в Индию в августе 1942 г.: он достаточно долгое время сопротивлялся настойчивым требованиям Лондона вести активные операции. Падение Тобрука дало У. Черчиллю возможность обосновать необходимость смены командования на этом самом значимом для него сухопутном театре военных действий¹³. Пристальный интерес премьер-министра к действиям флота, его склонность вмешиваться в руководство ими, часто через голову вышестоящих инстанций, не могли не вызвать конфликтов с адмиралами: были сняты со своих постов командующие флотами Ч. Форбс и Э. Каннингхэм, позволявшие себе не раз оспаривать приказы Уайтхолла¹⁴.

Эта определенная напряженность в отношениях между У. Черчиллем и британскими командующими на театрах военных действий порождалась рядом существенных обстоятельств, и главное из них заключалось в следующем: далеко не всегда командование оперативно-стратегического уровня имело возможность оценивать общую картину войны, это звено военного руководства не могло быть в курсе проблем «большой стратегии». Поэтому нажим на него со стороны

верховного командования мог быть необходимым в ситуациях, когда стратегические соображения заставляли идти на риск, который кажется неоправданным с чисто военной точки зрения. Премьер-министр должен был иметь право на реализацию этого принципа, в том числе на принятие ключевых кадровых решений – это всегда понимали британские центральные военные инстанции.

Однако неуклонное стремление У. Черчилля к всеохватывающему контролю над ведением боевых операций на всех театрах военных действий, что явно не под силу для любого руководителя, неоднократно приводило к тяжелым последствиям: достаточно вспомнить унижительные капитуляции Сингапура и Тобрука в феврале и июне 1942 г. Можно говорить о существенных издержках системы британского военного командования, нередко проявлявшей себя излишне централизованной и поэтому громоздкой и неповоротливой.

В то же время военные советники достаточно успешно боролись с приверженностью У. Черчилля к дерзким, нестандартным и рискованным операциям. Эта черта военного мышления британского лидера проявилась главным образом в подготовке ограниченных по масштабам и значению действий и создавала проблемы именно для командования оперативно-стратегического уровня. Но применительно к крупным операциям У. Черчилль, как правило, позволял себя убедить в необходимости всемерной экономии людей и ресурсов, и на этой основе без серьезных проблем находил взаимопонимание с КНШ.

Большую роль в отношениях между премьер-министром и военными играли его личные симпатии и антипатии. Он, например, всегда с гораздо большим пониманием относился к аргументам корректных и подчеркивавших свою лояльность к нему британских командующих театров военных действий во второй половине войны (Г. Александеру, Г. Уилсону, Л. Маунтбэттену, Б. Монтгомери). И хотя они также не оставались без внимания Лондона, историй со снятием с должности и с понижением крупных военачальников уже не повторялось.

Важным фактором для определенного изменения, начиная с 1942 г., взаимоотношений между У. Черчиллем и военными структурами являлось то обстоятельство, что боевые действия все в большей степени становятся совместными с американцами. Время только британских армий ушло в прошлое, что ограничивало возможности премьер-министра в контроле даже над британскими, но являющимися уже со-

юзными по объему власти командующими. Одновременно необходимость нередко вынуждала У. Черчилля поддерживать своих генералов в спорах с союзниками и настаивать на их праве устанавливать прямой контакт с британским Комитетом начальников штабов и с ним лично через голову союзных командующих¹⁵. Но осознание премьер-министром необходимости тесного союза с Вашингтоном в то же время заставляло его уделять постоянное внимание задаче сглаживания наиболее острых проблем во взаимоотношениях между военачальниками двух держав.

В заключение следует подчеркнуть, что на протяжении всей войны британское центральное военное командование имело общие взгляды на главные стратегические проблемы и выступало единой командой на межсоюзнических конференциях. Британская военная элита полностью признавала роль У. Черчилля как военного лидера Великобритании и его право иметь решающий голос при принятии решений, касавшихся взаимосвязи политико-стратегических и военных аспектов ведения боевых действий, – межсоюзнической координации, влияния внутривнутриполитических факторов, подчинения планов операций задачам достижения намеченных политических целей войны. Премьер-министр, всегда ставивший требования «большой стратегии» выше требований военной целесообразности, в этом важнейшем вопросе всегда получал поддержку и понимание своих главных военных советников и имел возможность следовать этому принципу при планировании действий британских вооруженных сил.

¹ Sablonsky D. Churchill, the Great Game and Total War. L., 1991. P. 15–16.

² Ibid. P. 36–38.

³ См.: Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. М., 1991. С. 20–21.

⁴ См.: Lewin R. Churchill as Warlord. N. Y., 1973. P. 51–53.

⁵ См.: Churchill W. The Second World War. Vol. 1. L., 1948. P. 139; Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. М.; СПб., 1999. С. 36–37.

⁶ См.: Gardner B. Churchill in Power. Boston, 1970. P. 75.

⁷ См.: Istay H. L. The Memoirs. L., 1960. P. 236–237.

⁸ См.: Lewin R. Op. cit. P. 89–91.

⁹ См.: Edmonds R. Big Three. L., 1991. P. 273.

¹⁰ См.: Sainsbury K. Churchill and Roosevelt at War. N. Y., 1994. P. 226.

¹¹ См.: Fraser D. Alan Brooke. L., 1982. P. 525–539.

¹² См.: Eden A. The Reckoning. L., 1965. P. 168–171.

¹³ См.: Черчилль У. Указ. соч. Кн. 2. С. 186–188, 446.

¹⁴ См.: Роскилл С. Флаг Святого Георгия. М., 2000. С. 44, 115–116, 118, 133, 202.

¹⁵ См.: Погью Ф. Верховное командование. М., 1959. С. 55.

Ю. В. Запарий

Проблема создания вооруженных сил ООН и позиция Великобритании (1946–1948)

На заключительном этапе Второй мировой войны была сформирована новая система международных отношений, в которой важнейшее значение заняла Организация Объединенных Наций. Державы – основатели ООН хотели создать эффективный механизм, поэтому в Устав ООН были включены положения о вооруженных силах ООН. Таким образом, ООН должна была реализовать положения, которые только теоретически предполагались в Лиге Наций.

Уже на конференции в Думбартон-Оксе в проекте основ будущей организации Великобритания предлагала создать Военно-штабной комитет (ВШК) из представителей четырех держав, по рекомендации которого Всемирный Совет будет распоряжаться определенными квотами вооруженных сил государств-участниц¹. Однако позиция Великобритании по многим аспектам создания сил ООН как до окончания войны, так и после была предметом разногласий между военными и дипломатами. Представители Форин оффис полагали, что ООН будет центром мировой политики, а сотрудничество великих держав продолжится и после войны. Комитет начальников штабов очень сдержанно относился к идее создания вооруженных сил ООН и был скептически настроен по поводу перспектив сотрудничества союзников. Высказывалось негативное отношение к предложениям о принятии конкретных обязательств по резервированию национальных войск для службы в ООН.

При подготовке Устава ООН статья о вооруженных силах и о создании ВШК были согласованы без особых затруднений². Согласно статье 43 Устава ООН, «все члены Организации ...обязуются предоставлять в распоряжение Совета Безопасности по его требованию и в соответствии с особым соглашением ...необходимые для поддержания